

ПАТРИАРХ ТИХОН И КОНСТАНТИНОПОЛЬСКАЯ ПАТРИАРХИЯ: К ВОПРОСУ О ПРИЧИНАХ ФАКТИЧЕСКОГО РАЗРЫВА ОТНОШЕНИЙ

А. В. МАЗЫРИН

В статье рассматривается развитие взаимоотношений Русской и Константинопольской Церквей в период правления святого Патриарха Тихона (1917–1925). Возникшие в греческой среде после поражения Турции в Первой мировой войне планы по превращению Константинополя в «реальный всеправославный центр» и подчинению ему остальных Поместных Церквей привели к развитию беспрецедентной экспансии Вселенской Патриархии в мировом масштабе, причем преимущественно за счет захвата епархий и приходов Русской Церкви. В целях превратить свое первенство чести в православном мире в первенство власти Константинополь был заинтересован в ослаблении Московского Патриархата. Одновременно с этим с 1922 г. стало проявляться стремление Фанара (Константинопольской Патриархии) заручиться поддержкой советской власти во взаимоотношениях с правительством Турции, а также в решении обострившихся материальных проблем Вселенского Престола. В совокупности эти причины привели к открытому переходу Константинопольской Патриархии на сторону обновленческого раскола в России в 1924 г., что сделало сохранение канонического общения с ним для Русской Православной Церкви практически невозможным.

Время управления Русской Церковью Патриархом Тихоном было ознаменовано резким ухудшением ее взаимоотношений с Вселенским Престолом. Данный феномен уже неоднократно привлекал внимание историков¹. Ими изложены основные события, связанные с развитием конфликта двух Патриархий. Однако далеко еще не все аспекты этого важного сюжета исследованы, а выявление новых документов, касающихся связей представителей Фанара с советской властью, побуждает вновь обратиться к вопросу о причинах и обстоятельствах фактического разрыва православной Москвы с Константинополем.

¹ См., например: *Бувский А.* Патриарх Константинопольский Мелетий IV и Русская Православная Церковь // Журнал Московской Патриархии. 1953. № 3. С. 28–36; *Он же.* Патриарх Константинопольский Григорий VII и Русская Православная Церковь // Журнал Московской Патриархии. 1953. № 4. С. 33–38; *Шкаровский М. В.* Константинопольский Патриархат и Русская Православная Церковь в первой половине XX века. М., 2014. С. 21–62.

Первоначально, после восстановления патриаршества в Русской Церкви в конце 1917 г., казалось, ничто не предвещало грядущих недоумений с греками. В день интронизации Патриарха Тихона глава Константинопольской миссии в Москве архимандрит Иаков (Димопуло) торжественно обещал ему «братскую помощь и любовь маститых Святейших Патриархов Востока»². В мае 1918 г. Патриарх Тихон обратился к Константинопольскому Патриарху Герману V с посланием о воздвигнутых на Церковь в России гонениях³. Своего рода ответом последнего в сентябре того же года стало «признание восстановления Русского Патриархата»⁴, о чем, правда, Патриарха Германа особо не просили. Вскоре после этого он под давлением своих соплеменников, считавших его недостаточно активным в отстаивании греческих интересов, отрекся от Вселенского Престола.

Поражение Турции в мировой войне и надежды на скорое вытеснение ее из Константинополя и части Малой Азии резко усилили амбиции греков. Показательна серия программных статей⁵ проживавшего в Женеве греческого профессора Эммануила Лукараса, опубликованных в 1920 г. в официальных изданиях Константинопольского и Александрийского Патриархатов «Церковная истина» и «Пантен». Автор статей сетовал на «административную дезорганизацию» Православной Церкви, которая, в отличие от централизованной Католической Церкви, существует как бы «без головы». Особенно его печалило то, что такая «обезглавленность» православия препятствовала заключению унии с Англиканской Церковью, к которой греки весьма стремились. Автор выражал убеждение, что православным необходимо «образовать единый центр, но не теоретический, а реальный»⁶. Как нетрудно догадаться, таким центром, по мысли Лукараса и его единомышленников, мог быть только Константинополь. «Константинополь был и остается средством, через которое греческий род мог действовать, вдохновлять, влиять на миллионы людей ради как их блага, так и своего собственного. <...> Греческая нация будет счастлива и горда лицеизреть, как [он] станет, наконец, центром православия, а епископ его, возвышающийся над нациями и племенами, станет видимым главой и общим связующим звеном всех православных федеративных Церквей», — писал Лукарас⁷. Разумеется, по его убеждению, этот «возвышающийся над нациями и племенами» епископ мог быть только греком. По поводу национальных автокефальных Церквей (в первую очередь Русской) Лукарас полагал, что «может иметь место пересмотр всех актов и издание ка-

² Деяния Священного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918 гг. Т. 4. М., 1996. С. 65–67 (2-я пагинация). (Репр. изд.: Пг., 1918.)

³ Акты Святейшего Тихона, Патриарха Московского и всея России, позднейшие документы и переписка о каноническом преемстве высшей церковной власти, 1917–1943 / Сост. М. Е. Губонин. М., 1994. С. 133.

⁴ Ермилов П., диак. Константинопольская Православная Церковь [1908–1948 гг.] // Православная энциклопедия. Т. 37. М., 2015. С. 257.

⁵ Текст статей предоставлен и переведен диаконом Павлом Ермиловым.

⁶ Λουκαράς Ε. Ἡ Κωνσταντινούπολις κέντρον Ὁρθοδοξίας // Ἐκκλησιαστικὴ Ἀλήθεια. 1920. Ἀριθμ. 43. Σ. 400.

⁷ Λουκαράς Ε. Σημασία ἐκλογῆς Οἰκουμενικοῦ Πατριάρχου // Πάνταυος. 1920. Σ. 31; Ὁμοσπονδία τῶν ὀρθοδόξων ἐκκλησιῶν // Ἐκκλησιαστικὴ Ἀλήθεια. 1920. Ἀριθμ. 45. Σ. 424.

нонических томосов в соответствии с национальным устройением православных народов, если таковые еще не были выданы ранее или же были выданы ошибочно или в спешке». После этого «необходимо будет учредить в Константинополе высший церковный совет, составляемый из представителей всех православных Церквей, патриарших и национальных», который «под председательством Вселенского Патриарха будет осуществлять надзор над всем православием». Не забыл Лукарас прописать и то, что «должно и справедливо всем православным Церквам оказывать достойную материальную помощь этому всеправославному центру»⁸. Как видно, полет мысли греческих патриотов был весьма высоким, от русских же они ждали подчинения своей грядущей гегемонии и конечно же «достойной материальной помощи». Никакого обоснования в православной эkkлeзиологии и канонике эти планы по превращению Фанара в некий восточный Ватикан не имели. Встретить сочувствие у Российской Церкви они не могли, и только лишь резкое ослабление ее позиций давало грекам шанс на реализацию их проектов.

В ноябре 1921 г. не без скандалов и серьезных процессуальных нарушений Константинопольская кафедра была замещена иерархом, стремившимся к проведению амбициозных планов в жизнь. Вселенским Патриархом был провозглашен бывший архиепископ Афинский Мелетий (Метаксакис). Его основные шаги, направленные на всемирную экспансию Вселенского Патриархата, хорошо известны, можно их лишь кратко перечислить. В марте 1922 г. им был издан томос о праве Константинополя на «непосредственный надзор и управление всеми без исключения православными приходами, находящимися вне пределов поместных православных Церквей, в Европе, Америке и других местах»⁹. Вслед за этим была образована Фиатирская митрополия с центром в Лондоне, которая стала претендовать на подчинение ей всей православной диаспоры (включая русскую) в Западной и Центральной Европе. В мае того же года была учреждена архиепископия Северной и Южной Америки с претензией подчинить ей все православные приходы на Американском континенте. В марте 1923 г. Патриарх Мелетий вмешался в церковные дела в Польше, «утвердив» избрание митрополитом Варшавским епископа Дионисия (Валединского). Наконец, в июле 1923 г. Синод Константинопольской Церкви образовал в своей юрисдикции «Автономную митрополию Эстонии» и «Православную архиепископию Финляндии»¹⁰.

Расширению юрисдикции Константинополя способствовало то, что из-за переживаемых Россией потрясений прежняя система управления зарубежными епархиями, миссиями и приходами Русской Церкви функционировать уже не могла. Учрежденное в конце 1920 г. русское заграничное управление под председательством митрополита Антония (Храповицкого) пыталось упорядочить течение церковных дел вне пределов России, но сделать это было крайне трудно, поскольку далеко не всем такая упорядоченность была по душе. К этому добав-

⁸ *Λουκάρας Ε.* Ποῖον τὸ ρόλον τοῦ μέλλοντος Οἰκουμενικοῦ Πατριαρχείου // Ἐκκλησιαστικὴ Ἀλήθεια. 1920. Ἀριθμ. 46. Σ. 428–429.

⁹ *Ερμιлов Π., διακ.* Константинопольская Православная Церковь // Православная энциклопедия. Т. 37. С. 260.

¹⁰ Там же. С. 260–263.

лялось отторжение от России обширных территорий и образование на них лимитрофных государств, правительства которых были заинтересованы в разрыве местных православных структур с Москвой, а также в недопущении распространения влияния на них русского зарубежного церковного центра. Окончательно ситуация для Русской Церкви испортилась после фактического ареста Патриарха Тихона в мае 1922 г. и захвата церковной власти в Москве самочинным обновленческим «Высшим Церковным Управлением» (ВЦУ).

Линия Патриарха Мелетия в отношении гонимой Русской Церкви и лично Патриарха Тихона была двойственной. С одной стороны, в мае 1922 г. Константинопольская Патриархия выступила в защиту гонимых христиан России и Азии¹¹. Через митрополита Антония Патриарх Мелетий выражал Патриарху Тихону свою «глубокую братскую симпатию»¹². С другой стороны, официальный представитель Фанара в Москве архимандрит Иаков уже в июне того же года начал выстраивать отношения с обновленческими раскольниками. Свидетельство об этом дошло от весьма ангажированного, но информированного лица — работавшего в аппарате Л. Д. Троцкого бывшего священника М. В. Галкина (Горева), который, в свою очередь, опирался на сведения, полученные от заместителя председателя обновленческого ВЦУ, главы «Живой Церкви», священника Владимира Красницкого. 27 июня 1922 г. Галкин писал Троцкому: «В частной беседе с представителями Высш[его] цер[ковного] упр[авления] [архимандрит Иаков] сообщил, что “его господин, святейший вселенский патриарх” мог бы прибыть на собор в Москву, признать Высшее церковное управление, участвовать в суде над патриархом Тихоном, словом, сделать все, что нужно Высшему церковному управлению, вплоть до низложения Тихона “по всем каноническим правилам”. Он дал понять, что в общем итоге это стоит: возвращения к моменту прибытия в Москву “его святейшества” дома Константинопольского патриархата и 10.000 турецких лир»¹³.

Следует пояснить, что поначалу отношение советской власти к представительству Фанара в Москве было вполне терпимым. Вопреки советскому законодательству, здание подворья Константинопольской Патриархии, использовавшееся ею как доходный дом, не было подвергнуто реквизиции или национализации. Следуя рекомендации НКВД, Юридический отдел Моссовета в декабре 1918 г. удостоверил, что «дом Константинопольского подворья (по Крапивенскому пер., 4), как занятый Представительством Вселенского Патриарха в России, из-под действия декрета об отделении церкви от государства исключается»¹⁴. Однако в 1920 г. это здание все-таки было муниципализировано на общих основаниях. Со стороны Константинопольской Патриархии начались хлопоты по его

¹¹ Меморандум Вселенской Патриархии в защиту гонимых христиан в Азии и России // Церковные ведомости. 1923. № 5–6. С. 3.

¹² Грамота Святейшего Мелетия, Патриарха Вселенского, на имя Председателя б[ывшего] Высшего Русского Церковного Управления за границей // Церковные ведомости. 1923. № 5–6. С. 3.

¹³ Иванов С. Н. Хронология обновленческого «переворота» в Русской Церкви по новым архивным документам // Вестник ПСТГУ. II: История. История Русской Православной Церкви. 2014. Вып. 3 (58). С. 58.

¹⁴ ЦГАМО. Ф. 66. Оп. 18. Д. 60. Л. 53.

возвращению. В этот момент и появилось обновленческое ВЦУ с «Живой Церковью». Архимандриту Иакову, видимо, намекнули, что возвращение подворья надо отработать, чем он и занялся.

В августе 1922 г. он уже не частным образом, а как почетный член президиума отметил на съезде «Живой Церкви» в Москве. Еще одним участником съезда стал представитель Александрийского Патриарха архимандрит Павел (Катаподис)¹⁵. Как сообщали обновленцы, «по поручению представителя Константинопольского патриарха, архимандрита Иакова, произнес краткое приветствие от его лица архиепископ Антонин (Грановский, председатель ВЦУ. — *свящ. А. М.*), он сказал: “Представитель Константинопольского патриарха, архимандрит Иаков <...> свидетельствует о своем сочувствии нашему церковному обновлению и о своей солидарности с нами. Честь и хвала ему!”¹⁶ Согласно обновленческому журналу, два греческих архимандрита даже поучаствовали в обсуждении вопроса о женатом епископате, причем в ключе, вполне угодном для «живоцерковников»¹⁷.

Оказав немалую услугу «Живой Церкви», архимандрит Иаков в начале января 1923 г. обратился к ВЦУ за ответной помощью в связи с намерением турок изгнать Константинопольскую Патриархию: «Тесные братские узы, которые веками связывают Константинопольскую Великую церковь с Российской Православной Церковью, позволили Его Всесвятейшеству обратиться с просьбой к Высшему Церковному Управлению продолжать, как и раньше, традиционную поддержку, поддерживать Восточную Православную Церковь. Также Его Всесвятейшество просит прийти на помощь путем протеста <...> в защиту сохранения прав Патриархата, каковой составляет единственную опору для защиты христианских меньшинств. Вселенский Патриарх глубоко убежден, что Российская Церковь не откажет войти с надлежащим ходатайством перед уважаемой Советской Властью — просить последнюю поддержать перед Турецким Правительством указанную выше просьбу Его Всесвятейшества, чем Советская Власть продолжит свое благотворное человеколюбивое начинание по отношению к угнетенным народам Православного Востока»¹⁸.

В действительности просьба Патриарха Мелетия была адресована не совсем к ВЦУ. «Все Православные церкви, — говорилось в его телеграмме архимандриту Иакову, — протестовали в Лозанне против Турецкого требования перемещения местопребывания резиденции Вселенского Патриархата, заявите местным церковным кругам, чтобы и они сделали так же»¹⁹. Это уже Димопуло отождествил «местные церковные круги» с обновленческим ВЦУ. Однако советская власть поддерживать Фанар перед турецким правительством не стала, и ВЦУ пришлось обращаться к туркам от своего лица. «Высшее Церковное Управление, — говорилось в обращении, — клеймит презрением попытку империалистических

¹⁵ *В-жский*. Первый Всероссийский Съезд белого духовенства «Живая Церковь» в Москве // Живая Церковь. 1922. 1–15 сент. № 8–9. С. 6.

¹⁶ Там же. С. 7.

¹⁷ Там же. С. 9.

¹⁸ Выступление группы белого духовенства «Живой Церкви» на защиту Константинопольского патриарха // Живая Церковь. 1923. 1 февр. № 11 (1). С. 14.

¹⁹ Там же.

государств Запада и Америки превратить Православный Константинопольский Патриархат в орудие проводимой ими политики закабаления и удушения Турции. Высшее Церковное Управление уверено, что Турецкое Правительство, отвергнувши все подобные попытки, найдет, в согласии с проводимой им политикой веротерпимости, пути и формы к оставлению в Константинополе Православного Патриарха на условиях полного подчинения его всем законам Турецкого государства»²⁰.

Журнал «Живая Церковь» поместил также речь заместителя председателя ВЦУ Красницкого послу Турции в России Мухтар-бею. В речи восхвалялось «высокое и благородное человеколюбие великих вождей народа Турецкого» и выражалась надежда на то, что турецкое правительство «сумеет положить предел политическим домогательствам империалистических государств Запада и Америки, оградить Константинопольский Патриархат от их поползновений и оставить его в Константинополе»²¹. Услуга обновленцев Константинопольской Патриархии была довольно сомнительной, поскольку с «империалистическими государствами Запада и Америки» Фанар тоже связывал немалые надежды и «оградиться от их поползновений» не спешил.

Архимандриту Иакову Красницкий после своего посещения турецкого посольства написал, что Мухтар-бей отнесся к его просьбе «с исключительным вниманием и обещал представить ее своему правительству и поддержать ее с своей стороны, ввиду его более близкого знакомства с современным направлением Церковной жизни России». В качестве подтверждения успешности своего ходатайства обновленцы опубликовали письмо «Его Высокопреосвященству Антонину Красницкому» (именно в таком сочетании) от и. о. комиссара иностранных дел Великого национального собрания Турции Гуссейна Рауфа. «Мы изучили Вашу точку зрения с полным вниманием», — писал «Антонину Красницкому» и. о. турецкого комиссара. «Мы вполне расположены рассмотреть принятие новой формы, которая позволит полное и свободное исповедание религиозных культов»²². По-видимому, обновленцы чувствовали себя спасителями Константинопольской Патриархии, хотя никаких обещаний оставить ее в Константинополе ответ турецкого представителя не содержал.

В принятом обновленцами 1 февраля 1923 г. «Положении о созыве поместного собора православной российской церкви» было сказано, что «Высшее Церковное Управление приглашает на Собор представителей Восточных Патриархов и автокефальных зарубежных Церквей — с правом решающего голоса»²³. Есть свидетельства, что Фанар был не прочь откликнуться на это приглашение. В направленной в Москву секретной сводке ГПУ УССР излагалось письмо обновленческому «митрополиту Одесскому» Евдокиму (Мещерскому) от протоиерея (начальника канцелярии) Константинопольской Патриархии Христо

²⁰ Выступление группы белого духовенства «Живой Церкви» на защиту Константинопольского патриарха // Там же.

²¹ Там же. С. 15.

²² Там же.

²³ Положение о созыве поместного собора православной российской церкви 1923 года // Живая Церковь. 1923. 1 февр. № 11 (1). С. 4.

Папаиоанну: «Его Святейшество (Патриарх Мелетий. — *свящ. А. М.*) <...> с удовольствием узнал о Вашем высокопреосвященстве и о том выдающем положении, которое Вы занимаете среди управляющей Российской Епархии (так. — *свящ. А. М.*). Поэтому он с особым вниманием и признательностью получил бы от Вас какой-нибудь разъяснительный доклад о церковных делах в России, если бы Вы имели любезность прислать ему таковой. Кроме того, ввиду дошедших известий, что на созываемый 15-го Апреля в Москве Всероссийск[ий] церковный собор предполагается пригласить и представителей заграничных Автокефальных церквей, Его святейшество хотел бы сообщить через Вас, что Вселенский патриарх с удовольствием послал бы одного или двух своих представителей, если бы последовало бы таковое приглашение к ней (так. — *свящ. А. М.*)»²⁴. В сводке ГПУ УССР не сообщалось о дальнейшей судьбе этого письма и о том, последовал ли на него ответ. Возможно, письмо с Фанара уже не застало Евдокима (Мещерского) в Одессе в связи с его отъездом в центр.

Сам обновленческий лжесобор — центральное событие истории раскола — состоялся в Москве 29 апреля — 9 мая 1923 г. и постановил, что «отныне патриарх Тихон — мирянин Василий Беллавин». «Осуждая быв[шего] патриарха Тихона как вождя не церковного, а контрреволюционного, Собор признает, что и самое восстановление патриаршества было актом определенно политическим, контрреволюционным»²⁵. Вопреки ожиданиям, архимандрит Иаков (Димопуло) во всем этом участия не принял, причем, что важно, в силу прямого указания со стороны своей Патриархии. Согласно сообщению русской эмигрантской прессы, Патриарх Мелетий и его Синод 24 апреля 1923 г. постановили: «Уведомить представителя Вселенского Патриарха в Москве, что Великая церковь не только не пошлет на суд своего представителя, но рекомендует и русским иерархам воздержаться от всякого участия в нем, потому что все Православие <...> смотрит на Патриарха Московского и всея России как на исповедника»²⁶. Этому заявлению предшествовало обращение к Фанару со стороны русского зарубежного Архиерейского Синода с просьбой «не усиливать церковную смуту в России посылкой туда своих делегатов для участия в созываемом в Москве Соборе»²⁷.

Можно предположить, однако, что демонстрация симпатии главе гонимой Русской Православной Церкви со стороны Константинопольского Патриарха была вызвана не столько уважением к просьбе русских зарубежных иерархов, сколько тем, что во внешнеполитическом отношении Патриарх Мелетий был ориентирован на Великобританию, а английское правительство в тот момент занимало жесткую антисоветскую позицию. Достаточно вспомнить ноту (ультиматум) британского министра иностранных дел лорда Керзона, врученную советскому правительству в начале мая 1923 г., которая, между прочим, требовала прекращения религиозных гонений в СССР и содержала упоминание о

²⁴ ЦА ФСБ РФ. Ф. 2. Оп. 5. Д. 307. Л. 198–199.

²⁵ История Русской Православной Церкви: От восстановления Патриаршества до наших дней, 1917–1970. СПб., 1997. Т. 1. С. 852.

²⁶ Постановление Вселенского Патриархата по вопросу о суде над Святейшим Тихоном, Патриархом Московским и всея России // Церковные ведомости. 1923. № 7–8. С. 1.

²⁷ Определения Временного Архиерейского Синода Русской Православной Церкви за границей // Там же. С. 3.

Патриархе Тихоне. При этом все понимали, что чинимый обновленцами «суд» над Патриархом был выполнением большевистского заказа в преддверии готовящегося показательного процесса над ним, итогом которого должен был стать смертный приговор Предстоятелю Православной Российской Церкви. Было бы удивительно, если бы Патриарх Мелетий выступил тогда вразрез с британской линией и поддержал большевистско-обновленческую акцию против Московского Патриарха.

В защиту Патриарха Тихона выступил и прошедший в Константинополе в мае 1923 г. «Всеправославный конгресс», о чем Патриархом Мелетием была направлена специальная грамота митрополиту Антонию. В этой грамоте низложение Патриарха Тихона обновленческим «Собором» было названо незаконным и выражалось «сожаление по поводу такого поступка в отношении Первоиерарха Святейшей Русской Церкви, и притом именно во время его мученичества, и сердечное соучастие Исповеднику-Патриарху»²⁸.

Все это происходило в момент, когда Вселенская Патриархия и весь греческий мир переживали большие потрясения. Провал авантюрного военного похода в Малую Азию привел к изгнанию греков из Турции, а Патриархия, как казалось, доживала на берегах Босфора последние дни. В июле 1923 г. Мелетий (Метаксакис) был вынужден покинуть Константинополь, а в сентябре того же года совсем отрекся от Вселенского Патриаршего Престола.

Тем временем Патриарх Тихон неожиданно для многих в июне 1923 г. был освобожден и вернулся к церковному управлению. Обновленческий раскол стал угасать и с целью улучшить свой образ отмежевался от наиболее одиозных лиц, таких как Красницкий с его «Живой Церковью», и их программ, предполагавших даже реформирование церковного вероучения. В качестве руководящего органа раскола была сформирована структура с привычным для церковного слуха названием «Священный Синод» во главе с иерархом старого (не обновленческого) поставления — архиепископом («митрополитом») Евдокимом (Мещерским). На первом же своем заседании, 8 августа 1923 г., этот «Синод» постановил «восстановить связь с заграничными Восточными Православными Церквями». При этом «митрополит» Евдоким сообщил, что «7 августа к нему на Троицкое подворье являлись с официальным приветствием представители восточных патриархов: Константинопольского — архимандрит Иаков, и Александрийского — архимандрит Павел. Во время ответного визита архимандритом Иаковым было заявлено митрополиту Евдокиму, что о всех происшедших церковных переменах уже сообщено в благоприятном смысле Вселенскому Константинопольскому Патриарху»²⁹.

Подробнее беседа Иакова (Димопуло) с Евдокимом (Мещерским) была описана в рязанском обновленческом издании в заметке под броским названием «Восточные патриархи против Тихона». В уста константинопольского пред-

²⁸ Грамота Святейшего Патриарха Вселенского на имя Председателя Архиерейского Синода Русской Православной Церкви за границей Высокопреосвященнейшего Антония, Митрополита Киевского и Галицкого // Церковные ведомости. 1923. № 15–16. С. 4.

²⁹ Протоколы заседаний Св. Синода // Вестник Священного Синода Российской Православной Церкви. 1923. 18 сент. № 1. С. 7.

ставителя вкладывались следующие слова: «В двадцатых числа июня текущего (1923-го. — *свящ. А. М.*) года я получил из константинопольской патриархии запрос о положении церковных дел в России. Я тогда же отвечал, что патриарх Тихон, как подсудимый, не может управлять церковью. Он живет частным образом, как бы на покое <...>. Надлежащей церковной властью, вполне соответствующей переживаемому страной моменту, является священный синод, состоящий из старейших и ученейших епископов, лучших пастырей и мирян. — Не признавайте никакой другой церковной власти, кроме синода, — писал я константинопольскому патриарху. По полученным ныне сведениям, мой доклад заслушан патриархией и по нему вынесена резолюция: поддерживайте общение со священным синодом и возможно чаще извещайте нас обо всем, что делается в российской церкви»³⁰.

Разумеется, нет никаких гарантий, что позиция архимандрита Иакова, а тем более Константинопольской Патриархии, в этой заметке была отражена без искажений. В хронологию событий явно была привнесена путаница: получалось, что за обновленческий лжесинод, учрежденный в августе, Димопуло начал агитировать Фанар чуть ли не в июне. Заведомо ложные сведения сообщались в заметке об Антиохийском и Сербском Патриархах, что они якобы «с синодом стремятся восстановить сношения также». По поводу сношений архимандрита Иакова с обновленцами в русской зарубежной прессе в октябре 1923 г. даже было дано опровержение: «Запрошенный по сему поводу председатель Синода Вселенской Константинопольской Патриархии Митрополит Кесарийский Николай заявил, что сообщение это представляет собой сплошной вымысел»³¹. Вымыслов, конечно, в большевистских и обновленческих газетах тогда хватало, но сами по себе контакты московского представителя Фанара с обновленцами в ту пору, без сомнения, имели место.

Евдокимовский «Синод» установление связи с Востоком сделал едва ли не главным направлением своей политики. Первый номер его нового печатного органа открылся в сентябре 1923 г. «Посланием Св. Синода всем Восточным Патриархам». «Сердца наши давно были исполнены глубокой скорбью от прекращения общения с нашею Великою Материю Константинопольскою Церковью», — начиналось послание. Далее в нем описывались «непростительные ошибки» Патриарха Тихона и «созидательная работа» обновленцев. Заканчивали они обещанием послать на Восток своего представителя для доклада с просьбой принять его с любовью³². 18 сентября 1923 г. начальник 6-го («церковного») отделения Секретного отдела ГПУ и по совместительству секретарь Антирелигиозной комиссии при ЦК РКП(б) Е. А. Тучков писал в докладе «О церковниках и сектах» председателю этой комиссии Е. М. Ярославскому: «К настоящему времени Синодцы намерены для подкрепления своего авторитета получить у Вселенского патриарха признания и для этого посылают в Турцию свою делега-

³⁰ Восточные патриархи против Тихона // Церковное Обновление. 1924. 15 янв. № 1. С. 4.

³¹ Желание большевиков // Церковные ведомости. 1923. № 19–20. С. 19.

³² Послание Св. Синода всем Восточным Патриархам // Вестник Священного Синода Российской Православной Церкви. 1923. 18 сент. № 1. С. 1–3.

цию». При этом слово «посылают» было исправлено из первоначального зачеркнутого «намерены послать»³³. Можно это понять так, что Тучков считал вопрос об отправке обновленческой делегации в Стамбул решенным, препятствий со стороны ГПУ не было.

От Патриарха Тихона между тем власть требовала заявить, что «Мелетий ставленник Англии», и выразить свое отрицательное отношение к его «проискам» (это было одним из условий освобождения, поставленных Антирелигиозной комиссией в июне 1923 г.³⁴). И хотя ориентация Мелетия на Англию не вызвала сомнений, а общая его политика по отношению к Русской Церкви была весьма агрессивной и вполне заслуживала осуждения, Патриарх Тихон, несмотря на давление, никаких некорректных высказываний в его адрес не допустил. Большевики же были совсем не прочь использовать авторитет Вселенского Патриарха в своих интересах, в том числе и для укрепления позиций обновленцев. 18 сентября 1923 г. Антирелигиозная комиссия постановила «переговорить с тов. Чичериным о положении Мелетия (так. — *свящ. А. М.*) и Константинопольского синода и в зависимости от этого разрешить вопрос о возврате их представителям находящегося в Москве дома»³⁵. Удалось ли тогда советским агентам установить какие-то контакты с Патриархом Мелетием (он в то время находился на Афоне), неизвестно. А замыслы у АРК, видимо, были масштабные: просто так московское подворье грекам возвращать бы не стали.

Преемником Мелетия IV 6 декабря 1923 г. стал Патриарх Григорий VII. Начало его правления внушило надежду на усиление взаимоподдержки Константинопольского и Московского Патриархатов. В ответ на поздравление с избранием Патриарх Григорий написал 27 декабря митрополиту Антонию: «Пусть Господь дарует скорое утешение и помощь и Святой сестре Русской Церкви и Наисвятейшему Патриарху Тихону, чьи долгие испытания повергают нас в скорбь»³⁶. Отвечать на отправленное на Фанар еще в августе письмо обновленческого «Синода» Патриарх Григорий не спешил. Пауза затянулась до весны следующего года.

Возможно, задержка была вызвана смертью константинопольского представителя в Москве архимандрита Иакова, случившейся 15 января 1924 г. Его место, однако, недолго оставалось пустующим, и уже в феврале было занято его помощником и племянником иеромонахом Василием (тоже Димопуло). Перемены в константинопольском представительстве были отмечены даже «Известиями ЦИК»: «16 февраля Димопуло представился турецкому послу Мухтар-бею и вручил ему верительную грамоту от константинопольского патриарха Григория, а 18 февраля он посетил Наркоминдел и представил ему такую же грамоту, в которой

³³ РГАСПИ. Ф. 89. Оп. 4. Д. 118. Л. 5.

³⁴ См.: Протоколы Комиссии по проведению отделения церкви от государства при ЦК РКП(б)–ВКП(б) (Антирелигиозной комиссии). 1922–1929 гг. / Сост. В. В. Лобанов. М., 2014. С. 80–81.

³⁵ Там же. С. 101.

³⁶ Грамота Святейшего Григория VII, Патриарха Вселенского, на имя Председателя Архидиоцессии Русской Православной Церкви за границей Высокопреосвященного Митрополита Антония // Церковные ведомости. 1924. № 1–2. С. 3.

константинопольский патриарх Григорий рекомендует его как своего представителя при Советской России»³⁷. Урегулировав свое положение с турками и большевиками, Димопуло-младший, по примеру своего почившего дяди, принялся укреплять связи с обновленцами.

23 марта 1924 г. он вручил «митрополиту» Евдокиму послание Патриарха Григория о введении нового стиля³⁸. Жест внимания со стороны греков обновленцы истолковали как признание их «Синода». В ответ они выразили Григорию VII «чувство глубочайшей радости» и обратились к нему с новой просьбой: «В горячих заботах об умиротворении церковных настроений и спасения церкви, Священный Синод Российской Православной Церкви, 11 мая текущего года в г. Москве собирает Великое Соборное Совещание. <...> Русский Священный Синод просит Вас, Ваше Святейшество, прислать на это Совещание полномочных депутатов, которые помогли бы нам внести глубокий мир в нашу, ныне многмятежную жизнь церковную»³⁹.

Своему «Великому Соборному (или Предсоборному) Совещанию» обновленцы хотели придать видимость чуть ли не всеправославного собрания. Одновременно их лжесинод довел «до всеобщего сведения», что «восточная церковь в лице вселенского константинопольского патриарха Григория VII и представителей других восточных патриархов (антиохийского и александрийского), находящихся в Москве, давно порвала всякое общение с бывшим патриархом Тихоном»⁴⁰. Патриарх Тихон ответил на это посланием к Церкви от 15 апреля, в котором заявление обновленцев о разрыве с ним Восточной Церкви квалифицировалось как обман⁴¹.

Тем не менее кризис в отношении двух Патриархатов явно назревал. 1 июня 1924 г. в «Известиях ЦИК» появилась статья с заголовком «Вселенский патриарх отстранил бывшего патриарха Тихона от управления Российской церковью». В статье было сказано: «Московский представитель Вселенского патриарха архимандрит Василий Димопуло сообщил представителю РОСТА следующее: “Мною получено только что из Константинополя сообщение о том, что Константинопольский патриарший Синод, под председательством Вселенского патриарха Григория VII, вынес постановление об отстранении от управления Российской Православной Церковью патриарха Тихона, как виновного во всей церковной смуте. <...>”. Вместе с тем Константинопольский патриарх посылает в Москву авторитетную комиссию из виднейших восточных иерархов для ознакомления с делами Российской Православной Церкви. <...> Одновременно Вселенский Патриарх признал Российский Синод официальным главой Российской православной церкви и запретил к священнослужению всех иерархов, бежавших из

³⁷ Среди церковников. Новый представитель константинопольского патриарха в России // Известия ЦИК. 1924. 26 февр.

³⁸ Послание Вселенского Патриарха о введении нового стиля // Церковное Обновление. 1924. 12 апреля. № 2–3. С. 5.

³⁹ Грамота Священного Синода к Вселенскому патриарху, Григорию VIII // Церковное Обновление. 1924. 12 апр. № 2–3. С. 6.

⁴⁰ Послание свящ. Синода // Церковное Обновление. 1924. 12 апр. № 2–3. С. 8.

⁴¹ Акты Святейшего Тихона... С. 316.

России в эмиграцию, во главе с Антонием Храповицким. Все эти иерархи предаются церковному суду»⁴².

Полученные из Константинополя бумаги, о которых Димопуло поведал представителю РОСТА, были представлены на открывшемся 10 июня 1924 г. «Великом Предсоборном Совещании». В президиуме совещания вместе с видными раскольниками восседали представители Константинопольского и Александрийского Патриархов — архимандриты Василий и Павел. По данным чекистской сводки, на съезде присутствовало «156 попов, 83 епископа и 84 мирянина», из которых 126 были секретными осведомителями ОГПУ⁴³. Почетным председателем «Предсоборного совещания» был избран Вселенский Патриарх. «Приветствие от Константинопольского патриарха Григория VII читал сам представитель его архимандрит Василий по-русски», — сообщало «Церковное Обновление»⁴⁴. «В приветствии говорится, что деятельность совещания привлечет внимание всего православного Востока, чем больше будет положено любви в труды совещания, тем больше будет надежд, что дело умиротворения увенчается успехом и благословением святейших восточных патриархов», — обтекаемо пересказала выступление Димопуло обновленческая газета⁴⁵.

После приветствий последовал доклад Евдокима (Мешерского). «Кардинальной заслугой синода митрополит Евдоким считает налаживание связи с вселенским патриархом Григорием VII, а также и с восточными патриархами. К концу своей речи митрополит Евдоким огласил ряд посланий вселенского патриарха синоду, из которых явствует, что синод полностью им признан, как высший авторитетный орган церковного управления в России»⁴⁶. «Пред Совещанием раскрываются подлинные грамоты Вселенского Патриарха об устранении п[атриарха] Тихона от управления церковью, об отмене (хотя бы временно) патриаршества на Руси, о признании Св. Синода единственною церковною властью в России, о признании неканоничным “архиерейского Синода Российской Православной Церкви за границей” и о предании суду архиереев-беженцев, занимающихся и до сих пор политической пропагандой. Эти грамоты с печатями и подписями Вселенского Патриарха Григория VII и его Свящ. Синода производят сильное впечатление не только на членов Совещания, но и на посторонних слушателей», — описывал картину обновленческий «архиепископ Владимирский» Серафим (Руженцев)⁴⁷.

Находясь под столь «сильным впечатлением», собрание постановило: «Признать Священный Синод, в силу его органической связи с Высшим Всероссийским Церковным Управлением, избранным на втором Всероссийском Помест-

⁴² Вселенский патриарх отстранил бывшего патриарха Тихона от управления Российской Церковью // Известия ЦИК. 1924. 1 июня.

⁴³ Сафонов Д., свящ. Святитель Тихон, Патриарх Московский и всея России, и его время. М., 2013. С. 514.

⁴⁴ Предсоборное совещание // Церковное Обновление. 1924. 15 июля. № 7–8. С. 29.

⁴⁵ Приветствия великому предсоборному совещанию // Церковное Обновление. 1924. 1 авг. № 9–10. С. 41.

⁴⁶ Среди церковников. Всероссийское церковное предсоборное совещание // Известия ЦИК. 1924. 12 июня.

⁴⁷ Серафим, архиеп. Итоги Великого Предсоборного Совещания // Церковная жизнь. 1924. Авг. № 1. С. 4.

ном Соборе 1923 года, а также ввиду признания его таковым Вселенской Патриархией (определение Константинопольского Священного Синода от 17 апреля 1924 года) — Единственным Канонически Закономерным Высшим Органом Управления Российской Православной Церкви (так, всё с заглавных букв. — *святц. А. М.*)⁴⁸. Признание Фанаром (действительное или мнимое), таким образом, требовалось обновленческому «Священному Синоду» не только для внешней, но и для внутренней легитимации.

«Подлинные грамоты Вселенского Патриарха с печатями и подписями», столь впечатлившие «Великое Совецание» Димопуло, надо полагать, оставил у себя, но еще 5 июня 1924 г. он направил «Его Высокопреосвященству Председателю Священного Синода» их русский перевод «для сведения», подписавшись как «покорнейший слуга и во Христе сын»⁴⁹. Затем с заверением «митрополита» Евдокима от 23 июня переводы протоколов были отправлены в советские инстанции (по факту — председателю Антирелигиозной комиссии Ярославскому)⁵⁰. После этого, уже в сентябре, «Синодом» переводы Димопуло были циркулярно разосланы обновленческим епархиальным управлениям. Одновременно они были пущены и в раскольническую печать. С центральным печатным органом («Вестником Священного Синода») у обновленцев в тот момент были сложности (он не выходил весь 1924 г.), но местные издания выпускались довольно активно. Наиболее полно «грамоты Вселенского Патриарха» были опубликованы в издании «Владимирского епархиального управления», редактировавшегося «архиепископом» Серафимом (Руженцевым), вскоре ставшим у обновленцев «митрополитом Московским». Пресловутые «грамоты» были выписками из протоколов заседаний Константинопольского Синода: от 17 апреля 1924 г., от 30 апреля, от 6 мая и от 30 апреля — 6 мая (с двойной датировкой).

На первом из заседаний Григорий VII, согласно переводу Димопуло, предложил: «Считая необходимым, чтобы для скрепления снова вековых уз и для подачи возложенного на нас долга оказания церковной помощи к общей любви и соединению мы изучили течения Русской церковности, известной по имени “Живая Церковь”, и особенности печальнейших церковных разногласий и разделений, и чтобы мы имели полную возможность умиротворения дел и полного прекращения настоящей аномалии, происходящей или от непонимания сущности произошедших внешних перемен или от чрезмерного и бесполезного возвращения к взглядам и старым системам, потерявшим уже всякую жизненную силу и смысл, предлагаем Свящ. Синоду послать от Матери Церкви Константинопольской к дочери ее, братской православной Русской церкви в России, как это часто бывало в прошлом в исключительных обстоятельствах, особую надлежащую Миссию, снабженную рекомендательными письмами к Русскому Правительству и уполномоченную изучать и действовать на месте на основании и в пределах определенных инструкций, согласных с духом и преданиями церкви. Мы надеемся, что с Божией помощью, она сможет помочь словами любви и указаний к восстановлению согласия и единения во всей братской Русской церкви

⁴⁸ Резолюции Великого Предсоборного Совецания // Там же. С. 6.

⁴⁹ ЦГАМ. Ф. 2303. Оп. 1. Д. 12. Л. 57.

⁵⁰ РГАСПИ. Ф. 89. Оп. 4. Д. 180. Л. 11.

ко благу всех православных». Далее в выписке говорилось, что Синод, «разделяя вполне взгляды и чувства Его Святейшества к благочестивому Русскому народу и его Правительству, <...> принял патриаршее предложение о посылке особой Миссии для вышеуказанной цели в Россию»⁵¹.

Обновленческое «Предсоборное Совещание» интерпретировало эту витиеватую выписку как признание Вселенской Патриархией их лжесинода «Единственным Канонически Закономерным Высшим Органом Управления Российской Православной Церкви». В действительности обновленческий «Синод» в ней вообще не упоминался, говорилось про «Живую Церковь», но общий тон постановления был для раскольников (и стоявших за ними большевиков) весьма благоприятным.

Во второй выписке (от 30 апреля) речь шла о положении русских архиереев-беженцев в Константинополе. Смысл постановления также был вполне просоветским и прообновленческим, в частности, архиепископам Анастасию (Грибановскому) и Александру (Немоловскому) предписывалось поминать за богослужениями только Константинопольского Патриарха (и, соответственно, не поминать Святейшего Тихона Московского)⁵². В результате обструкции Фанара русским иерархам пришлось тогда покинуть Стамбул⁵³.

Самой скандальной была выписка из третьего протокола — от 6 мая 1924 г. Согласно ей, Патриарх Григорий заявил, что «по приглашению со стороны церковных кругов Российского населения» (обновленческих, разумеется) он принял предложенное ему «дело умиротворения происшедших в последнее время в тамошней братской церкви смут и разногласий, назначив для этого особую патриаршую комиссию». Комиссия должна была «отправиться туда, чтобы содействовать с Божией помощью словами любви и путем разных указаний восстановлению согласия и единения в братской церкви ко благу всех православных». Далее особо оговаривалось, что «отправляющаяся комиссия в своих работах должна опираться на те тамошние церковные течения, которые верны существующему в России правительству», то есть на обновленцев.

Последующая мысль документа, преподанная от имени Григория VII, настолько импонировала обновленцам, что при публикации они выделили ее курсивом: «Ввиду возникших церковных разногласий, *мы полагаем необходимым, чтобы Святейший Патриарх Тихон ради единения расколовшихся и ради паствы пожертвовал собой, немедленно удалившись от управления церковью, <...> и чтобы одновременно упразднилось, хотя бы временно, патриаршество, как родившееся во всецело ненормальных обстоятельствах в начале гражданской войны, и как считающееся значительным препятствием к восстановлению мира и единения. Вместо упразднившегося патриаршества высшее церковное управление там должен принять ныне свободно и канонически избранный Синод, который и выработает детали синодального управления Церковью*». Возможно, в оригинале под Синодом имелся

⁵¹ Грамоты Вселенского Патриарха // Церковная жизнь. 1924. Сент. № 2. С. 1.

⁵² См.: Там же. С. 1–2.

⁵³ Подробнее см.: *Кострюков А. А.* К истории взаимоотношений между Русской Зарубежной Церковью и Константинопольской Патриархией в 1920–1924 гг. // Вестник ПСТГУ. Серия II. 2011. Вып. 6 (43). С. 58–69.

в виду новый *Собор* Русской Церкви, который должен был организовать *соборное* управление. Но в заверенном Димопуло варианте слово *Синод* было оставлено без перевода. В результате можно было понять так, что всем православным в России предписывалось подчиниться наличному «Священному Синоду» обновленцев как якобы «свободно и канонически избранному». Что же касается идеи об уходе Патриарха Тихона и упразднении патриаршества в России, то она выражена в документе совершенно ясно и двойной интерпретации не допускает. В заключительной части документа сообщалось, что Синод (стамбульский) единогласно одобрил все предложения Патриарха Григория⁵⁴.

Выписка из последнего протокола (от 30 апреля — 6 мая) была самой краткой, в ней перечислялся персональный состав предполагаемой к отправке в Россию миссии: митрополиты Василий Никейский, Герман Фиатирский, Герман Сардский и протонотарий Х. Папаиоанну в качестве советника⁵⁵.

Обновленцы торжествовали по поводу своих международных успехов. 28 июня «Священным Синодом» был разослан циркуляр (свой экземпляр получил и главный антирелигиозник Ярославский), в котором воспроизводилось «воззвание Великого Предсоборного Совещания ко всей Православной Церкви» и сообщалось, что «Вселенский патриарх Григорий 7 и Священный Синод Константинопольской Церкви 6 мая 1924 года присоединился к решению Собора Русской Православной Церкви 1923 года, предложив ТИХОНУ немедленно уйти на покой. Такие же постановления сделаны патриархами ФОТИЕМ Александрийским и ДИМИТРИЕМ Сербским. Таким образом в глазах всей вселенской Православной Церкви ТИХОН уже больше не патриарх»⁵⁶. Про Александрийского и Сербского Патриархов обновленцы возвещали откровенные небылицы, но Вселенский Патриарх действительно фактически встал на их сторону. Особенно на руку им было то, что митрополит Антоний (Храповицкий) годом ранее во всеуслышание поименовал Константинопольского Патриарха (безотносительно к личности) «верховным судьей для православных христиан всех стран»⁵⁷. «Тихоновцы, — вещали обновленцы в очередном синодальном циркуляре, — подчинитесь же суду этого “Верховного Судии”. Оставьте Вашего Тихона, отстраненного Вселенским Патриархом Григорием VII, и подчинитесь Священному Синоду Российской Православной Церкви, признанному и утвержденному Вселенским Патриархом. Уже ли Вы не понимаете, что Ваше противление Вселенской Патриархии ввергает Вас в бездну пагубнейшего раскола со всею Вселенскою Православною Церковью»⁵⁸.

Большие надежды обновленческий «Синод» возлагал на приезд в Россию делегации от Константинопольской Патриархии. 23 июня 1924 г. он разослал местным обновленческим управлениям циркуляр, в котором извещал, что «греческие митрополиты, представители Вселенского Патриарха, уже выезжают в Москву.

⁵⁴ Грамоты Вселенского Патриарха // Церковная жизнь. 1924. Сент. № 2. С. 2.

⁵⁵ Там же. С. 3.

⁵⁶ РГАСПИ. Ф. 89. Оп. 4. Д. 180. Л. 20–20 об.; Резолюции предсоборного совещания 1924 г. // Церковное Обновление. 1924. 15 июля. № 7–8. С. 35.

⁵⁷ Г[осподину] Президенту Лозаннской Конференции // Церковные ведомости. 1923. № 1–2. С. 1–2.

⁵⁸ ЦГАМ. Ф. 2303. Оп. 1. Д. 12. Л. 33.

С их приездом нужно ждать полной ликвидации “тихоновщины”⁵⁹. «В самом непродолжительном времени миссия от блаженнейшего патриарха Григория VII, состоящая из трех ученейших митрополитов, прибудет в Москву», — ведал читателям номер «Церковного Обновления» от 1 августа⁶⁰. В подготовленном ОГПУ секретном «Обзоре политэкономического состояния СССР» за июль 1924 г. сообщалось, что «положение обновленцев довольно твердо и, вероятно, еще более укрепитя с приездом константинопольского патриарха, намеревающегося канонизировать обновленческий синод»⁶¹.

В действительности вопрос тогда стоял о приезде не самого Патриарха, а направляемой им комиссии, но важно то, что на этот визит давалось добро с советской стороны. 2 июля 1924 г. Антираелигиозная комиссия при ЦК РКП(б) рассмотрела вопрос «о разрешении въезда в СССР делегации Константинопольского патриарха в числе 4 челов[ек] для ознакомления с церковными делами в СССР» и постановила: «Въезд делегации разрешить как частным лицам»⁶². Греческая комиссия, однако, не спешила с приездом, и 3 сентября АРК повторно рассмотрела фанаро-обновленческую инициативу и снова вынесла вердикт в ее пользу: «Разрешить и поручить тов. Тучкову обработать делегацию в желательном для нас направлении»⁶³. Но делегация так и не приехала.

Видимо, главным камнем преткновения оказались турки. Турецкое правительство склонно было ограничивать прерогативы Константинопольской Патриархии лишь греческой общиной Стамбула и не сочувствовало ее притязаниям на всемирное значение. Даже в официальных документах турки именовали Вселенского Патриарха не иначе как «башпапаз», то есть «главный поп», а Патриархию — «башпапазлик» («поповское начальство»), не более того⁶⁴. Свою роль сыграл и английский фактор. Архиепископ Кентерберийский Дэвидсон выразил Патриарху Григорию недоумение по поводу его прообновленческой активности, и тот, как писали издаваемые Русским Зарубежным Синодом «Церковные ведомости», ответил, что «“Живой Церкви” он не признает; Патриарха Тихона он признает законным представителем Русской Православной Церкви и не думал производить над ним суда; комиссию же он собирался послать для ознакомления со взглядами Патриарха Тихона по целому ряду современных вопросов; и теперь едва ли эта комиссия поедет в Россию»⁶⁵. В итоге отправление в Москву комиссии из Константинополя не состоялось.

⁵⁹ ЦГАМ. Ф. 2303. Оп. 1. Д. 12. Л. 30.

⁶⁰ Восстановление сношений русской церкви с Константинопольским патриархом // Церковное Обновление. 1924. 1 авг. № 9–10. С. 37.

⁶¹ «Совершенно секретно»: Лубянка — Сталину о положении в стране (1922–1934 гг.). Т. 2: 1924 г. М., 2001. С. 157.

⁶² Протоколы Комиссии по проведению отделения церкви от государства при ЦК РКП(б)–ВКП(б). С. 133.

⁶³ Там же. С. 135.

⁶⁴ Ермилов П., диак. Константинопольская Православная Церковь // Православная энциклопедия. Т. 37. С. 264.

⁶⁵ Положение Св. Патриарха Тихона и Православной Церкви в советской России // Церковные ведомости. 1924. № 19–20. С. 17.

В русской эмиграции были весьма встревожены действиями греков. Управляющий западноевропейскими приходами митрополит Евлогий (Георгиевский) писал 8 июня 1924 г. архиепископу Рижскому Иоанну (Поммеру): «Документально доказано, что Цареградская Патриархия действует в контакте с большевиками и при живейшем участии Евдокима. Подкладка такая: Патриархию выпирают из Конст[антинополя]; цепляясь за свое место, она хочет опереться на сов[етскую] власть, а последняя обещает ей поддержку под условием разложения нашей церковной организации за границей. Маклером в этом деле является Евдоким, который хочет привлечь Конст[антинополь]скую Ц[ерковь] для борьбы с П[атриархом] Тихоном. <...> Не исключается даже возможность, что Конст[антинопольский] Патриарх объявит П[атриарха] Тихона низложенным, чтобы подчинить своему влиянию всю Русскую Церковь, как это было до XIV в[ека]. На языке лукавых греков это называется “помочь” бедствующей Русской Церкви, а на нашем — это та же своего рода погоня за русскими концессиями, какими охвачены теперь все желающие делить шкуру русского медведя... Вы видите, какие папистические замыслы теперь зреют в Царьграде: там хотят подчинить себе Русскую Церковь, пользуясь нашим безвремением. Лакей Евдоким, лишь бы найти где себе опору, на все соглашается».

В свете изложенной печальной ситуации митрополит Евлогий обращался к архиепископу Иоанну с просьбой: «Найдите какой-либо способ, чтобы предупредить П[атриарха] Тихона об этих замыслах греков, угрожающих большою опасностью для нашей церкви, желающих внести в нее новую смуту и подкапывающихся под нашего Патриарха. Надеюсь, что народ наш не пойдет за этими лукавыми и льстивыми греками, особенно если они свяжутся с Евдокимом, но нажим на Патриарха будет огромный, и его необходимо предупредить, чтобы эти господа не вырвали у него обманом или насилием какого-либо нежелательного и бесполезного для Церкви акта». По мнению митрополита Евлогия, план Фанара заключался в том, чтобы «поглотить сначала все русские церкви за границей, а потом подчинить себе и всю Русскую Церковь. Большевики и прислужник их Евдоким всячески этому содействуют — первые, чтобы внести новую смуту и разложение в Церковь, а последний — чтобы там найти себе опору»⁶⁶. Представляется, что митрополит Евлогий весьма точно изложил мотивы и фанариотов, и обновленцев, и большевиков.

Опасения, как бы у Патриарха Тихона «не вырвали обманом или насилием какого-либо нежелательного и бесполезного для Церкви акта», не оправдались. 6 июня 1924 г. выписки из протоколов заседаний стамбульского Синода по русским церковным делам были архимандритом Василием отправлены ему особым письмом. Глава Православной Российской Церкви ответил в том же июне 1924 г. самому Григорию VII, ответил сдержанно и с достоинством: «Прочитав указанные протоколы, Мы немало смутились и удивились, что представитель Вселенской Патриархии, глава Константинопольской Церкви, без всякого предварительного сношения с Нами, как с законным представителем и главою всей Русской Пра-

⁶⁶ История в письмах: Из архива священномученика архиепископа Рижского Иоанна (Поммера): В 2 т. / Подгот. изд., предисл и коммент. Ю. Л. Сидякова. Тверь, 2015. Т. 2. С. 23–25.

вославной Церкви, вмешивается во внутреннюю жизнь и дела автокефальной Русской Церкви». Патриарх Тихон подчеркивал, что за епископом Константинопольским Священные Соборы «признавали и признают первенство перед другими автокефальными Церквями чести, но не власти». «Помним и то правило, что, “не быв приглашены, епископы да не приходят за пределы своей области для рукоположения или какого-либо другого церковного распоряжения”. А потому всякая посылка какой-либо комиссии без сношения со Мною, как единственно законным и православным Первоиерархом Русской Православной Церкви, без Моего ведома не законна, не будет принята русским Православным народом и внесет не успокоение, а еще большую смуту и раскол в жизнь и без того многострадальной Русской Православной Церкви»⁶⁷. Православный народ России не принимал обновленцев как пособников безбожия и самозванцев, но Фанар не желал этого видеть, для него важнее было то, что их принимала власть. Поддержка из Константинополя, однако, обновленцам не очень помогла, и даже органам ОГПУ пришлось констатировать, что «тихоновцами» «посланию Константинопольского патриарха уделялось мало внимания»⁶⁸.

Антиохийский Патриарх Григорий IV летом 1925 г. (уже после кончины Святейшего Тихона) в письме митрополиту Антонию дал следующую оценку стамбульскому акту и ответу на него из Москвы: «Считаю приятным долгом заявить Вам, возлюбленный владыка-брат, что я признаю факт подобного вмешательства совершенно недопустимым, весьма прискорбным и ни на чем не основанным, а ответную грамоту (почившего) Свят[ейшего] Патриарха Тихона, в такой деликатной форме отклонившую сие незаконное вмешательство, — в высшей степени тактичным, очень важным и достойным восхищения документом»⁶⁹. Действительно, контраст между поведением двух Патриархов — святого Тихона Московского и Григория Константинопольского — был разительным, и не чувствовать это было нельзя.

Сам Григорий VII не нашел, что ответить Патриарху Тихону. Вместо него за это взялись обновленцы. В августе 1924 г. их лжесинодом был разослан длинный циркуляр с «разбором ответа бывшего патриарха Тихона на послание по его делу вселенского патриарха Григория VII»⁷⁰. Следом, в октябре, этот циркуляр был опубликован в «Церковном Обновлении». «Благоразумие и стремление к церковному миру, — говорилось в нем, — обязывает того, кто считает себя единственно законным и православным первоиерархом русской православной церкви, держать себя не вызывающе к здравому совету первосвятителя вселенской Константинопольской церкви, не упрекать его за вмешательство в дела Русской церкви, а сыновне пригласить его, как старейшего в православном церковном мире по чести, быть третейским церковным судьей». Обновленцы как бы не замечали, что Патриарх Григорий уже выявил свою крайнюю ангажированность в русских церковных делах и быть непредвзятым судьей между ними и Патриар-

⁶⁷ Акты Святейшего Тихона... С. 322.

⁶⁸ «Совершенно секретно»: Лубянка — Сталину о положении в стране. Т. 2. С. 184.

⁶⁹ От Святейшего Григория IV, Патриарха Антиохи и всего Востока от 20 июня 1925 г. // Церковные ведомости. 1925. № 17–18. С. 4.

⁷⁰ ЦГАМ. Ф. 2303. Оп. 1. Д. 12. Л. 49–50 об.

хом Тихоном никак не мог. «Мы умоляем вселенского патриарха нашей матери, Константинопольской церкви, скорее осуществить свои намерения и тем разорвать крепкий запутан[ный] узел церковн[ого] раздора и открыть глаза прочим восточн[ым] патриархам на дела б[ывшего] п[атриарха] Тихона». Как видно из последних слов, отношения обновленцев с другими Восточными Патриархами были еще не на высоте, и в Григории VII они видели своего ходатая. «Мы торжественно обещаемся подчиниться голосу святейшего вселенского патриарха даже и в том случае, если бы он изрек нам не благословение, а осуждение: нам дороже всего мир церкви, а не власть в ней». Однако в том, каким будет вердикт Константинополя, обновленцы особо не сомневались и поэтому заканчивали свой «разбор» призывом: «Пора восточным патриархам властно заявить б[ывшему] п[атриарху] Тихону, что он не может быть главою церкви, потому что его голова и сердце сеют не любовь и мир, а злобу и разделение»⁷¹.

В октябре 1924 г. обновленческим «Синодом» в очередном циркуляре вновь был возглашен призыв: «Помните, Тихон не вождь Церкви Православной, а глава секты, идущей против жизни и интересов подлинной Православной Христовой Церкви». Это утверждение подкреплялось сообщением о том, что «Константинопольский патриарх Григорий VII на запрос греческих церквей г. Владикавказа, какому епископу подчиняться, Синодальному или Тихоновскому, ответил, что единственно законным епископом является Синодальный»⁷². Факт написания Патриархом Григорием подобного письма подтверждения из необновленческих источников пока не имеет, но неправдоподобным не выглядит. Взаимоотношения двух Патриархатов, по вине Константинополя, были заведены в тупик.

Тем временем архимандрит Василий (Димопуло), решив, что Фанар достаточно потрудились для большевиков и обновленцев, обратился 21 июля 1924 г. от имени Вселенского Патриарха и «всего Константинопольского пролетариата» напрямую в высший орган советской власти — ЦИК СССР, а именно к члену его Президиума, главе Секретариата по делам культов П. Г. Смидовичу. «Населяющий Турцию греческий народ, — писал архимандрит Василий, — издавна привык уважать, чтить и любить русский народ, от которого он видел много добра. Россия возрождается, Советская Власть окрепла и теперь свободно может заботиться не только о своем благополучии, но и об интересах и нуждах маленьких народов. Одолев своих врагов, победив все препятствия, окрепнув, Советская Россия может теперь откликнуться на просьбы пролетариата Ближнего Востока, благожелательного к ней, и тем еще больше расположить к себе. В Ваших руках, тов. СМИДОВИЧ, сделать имя Советской России еще более популярным на Востоке, чем оно было ранее, и я горячо прошу Вас оказать Константинопольской Патриархии великую услугу, как сильное и крепкое правительство могущественной державы, тем более что Вселенский Патриарх, признаваемый на Востоке главой всего православного народа, ясно показал своими действиями расположение к Советской Власти, которую он признал»⁷³. Таким образом,

⁷¹ Разбор ответа бывшего патриарха Тихона на послание по его делу вселенского патриарха Григория VII // Церковное Обновление. 1924. 27 окт. № 15—16. С. 62—63.

⁷² ЦГАМ. Ф. 2303. Оп. 1. Д. 12. Л. 56.

⁷³ РГАСПИ. Ф. 89. Оп. 4. Д. 180. Л. 10.

предлагался обмен: одна сторона (греческая) — «расположение к Советской Власти» (в частности, комиссию, «определенно опирающуюся на церковные течения, верные Правительству СССР»), другая (советская) — «великую услугу Константинопольской Патриархии».

Какую именно услугу Фанар в тот момент ожидал от большевиков, Димопуло подробно расписал Смидовичу в своей «докладной записке» от 16 июля 1924 г. Речь шла о здании бывшего константинопольского подворья. «Доход с этого дома за покрытием необходимых расходов по его содержанию, отсылавшийся всегда в Константинополь, употреблялся сполна Вселенской Патриархией на культурно-просветительные и благотворительные цели <...>. Хотя прекращение получения Патриархией дохода от этого дома существенно отразилось и на ее благотворительной деятельности, однако Вселенский патриархат в пережитые Россией годы бурь и потрясений не позволял себе поднимать какой-либо вопрос об этом доме, прекрасно понимая, что исключительные условия, в которых находилось Русское Государство, требовали и исключительных мероприятий; но когда с наступившим успокоением внутри стала возрастать мощь СССР и жизнь Государства быстро начала входить в нормальную колею <...>, Вселенская Патриархия, признав с своей стороны бесповоротно утвердившимся ныне существующий в России государственный строй и подкрепив это признание принятием целого ряда энергичных и строгих мер против русского беженского духовенства и вредной для СССР деятельности русской заграничной иерархии и прочих элементов, возбудила перед Правительством СССР ходатайство о возвращении ей муниципализированного дома Константинопольского Патриаршего Подворья в Москве».

Димопуло заверял Смидовича, что «на Востоке, в противоположность России, храмы содержатся не на доходы от принадлежащих им недвижимых имуществ, а самими верующими, церковные же имущества служат не для обогащения храмов и духовенства, а культурных и благотворительных целей». Десятки русских епископов, тысячи священников и монахов были убиты богоборцами, содержались в тюрьмах и концлагерях, находились в отдаленных ссылках, сам глава Российской Церкви — святой Патриарх Тихон — едва избежал расстрела и постоянно подвергался самой изощренной травле (в том числе и с помощью Григория VII), а архимандрит Василий писал одному из главных организаторов большевистского гонения на православие про «обогащение храмов и духовенства» в России, якобы «в противоположность» Востоку. Причем писалось это исключительно ради возвращения грекам доходов от московского дома. «Я твердо убежден, — заканчивал Димопуло, — что удовлетворение ходатайства Патриархии будет встречено с энтузиазмом на всем Востоке и оценено как несомненный признак возрождения могущества обновленной России»⁷⁴.

По мотивам своего ходатайства архимандриту Василию довелось пообщаться со Смидовичем и лично, причем принят он был, насколько можно понять, довольно любезно. Но время шло, а дом не возвращали. По этой причине Григорий VII побуждал своего представителя ускорить процесс. 13 сентября 1924 г. Димопуло пришлось обратиться к Смидовичу с еще одной «докладной запиской», в которой он напомнил о своем июльском обращении и о состоявшемся

⁷⁴ ГА РФ. Ф. 1235. Оп. 63. Д. 397. Л. 559–560.

тогда между ними разговоре. «Вынеся из беседы с Вами по этому вопросу большое утешение и надежду на то, что при благосклонном Вашем к нему отношении и сильном с Вашей стороны покровительстве вопрос о возвращении дома Подворья может быть разрешен в благоприятном смысле, я своевременно донес Вселенскому Патриарху Григорию VII, что возбужденное мною ходатайство встретило с Вашей стороны самое дружелюбное и благожелательное отношение и большое внимание, дающие надежду на благоприятный исход дела. Получив ныне предписание донести подробно, в каком положении находится этот вопрос, я осмеливаюсь снова обратиться к Вам с горячей просьбой. <...> Усердно и горячо прошу Вас не отказать под Вашу высокую защиту это ходатайство и соблаговолить его (так. — *свящ. А. М.*) на разрешение высшей Правительственной Власти, исходатайствовав или полное возвращение дома Константинопольской Патриархии или хотя бы отдачу его в долгосрочное ее владение»⁷⁵.

Помимо доходов от подворья у Фанара были в России и другие финансовые интересы. 9 октября 1924 г. архимандрит Василий по поручению своего Патриарха обратился через Смидовича уже к председателю ВЦИК и ЦИК СССР М. И. Калинину с очередной «докладной запиской», в которой сообщал, что еще в 1886 г. некий российский грек (К. Х. Сусанопуло из г. Нежина) завещал все свои капиталы в пользу одной из церквей близ Константинополя. Капитал составлял 200 тыс. руб. золотом и был вложен в российские ценные бумаги. Проценты с него — около 6 тыс. руб. — до 1917 г. ежегодно высылались в Константинополь архимандритом Иаковом. Патриарх Григорий предписал своему московскому представителю обратиться к советскому правительству с ходатайством о возобновлении отпуска процентов. «Обращаясь посему с означенным ходатайством к Правительству Великой Республики, с каждым днем приобретающей прежнюю силу и могущество, — писал Димопуло-младший Калинину, — уповаю на великодушное его внимание и отзывчивость и верю, что Правительство СССР, преследующее общее благополучие и довольство, не сочтет для себя невозможным уделить из своих богатств маленькой Общине то, что она получала в продолжение почти 30 лет, и что будет обращено ею исключительно на помощь страждущему пролетариату во славу имени СССР»⁷⁶.

Призыв помочь «страждущему пролетариату», однако, не принес желанного результата. 18 ноября 1924 г. Смидовичем была наложена резолюция: «В процессе революции все ценные бумаги, указанные в отношении Димопуло, обесценены. Помощь, просимая отношением, требует специального ассигнования в бюджетном порядке. Законы СССР не дают возможности провести это ассигнование. В силу изложенного просьба подлежит отклонению»⁷⁷. Таким образом, «Правительство Великой Республики» переводить деньги Григорию VII «во славу имени СССР» не стало, но он об этом не узнал, так как к тому моменту уже умер.

Впрочем, перед смертью Патриарх Григорий успел несколько поправить финансовое положение своей Патриархии. 13 ноября 1924 г. он подписал томос об автокефалии Польской Церкви (разумеется, без какого-либо согласия на то

⁷⁵ ГА РФ. Ф. 1235. Оп. 63. Д. 397. Л. 557–557 об.

⁷⁶ Там же. Л. 512–512 об.

⁷⁷ Там же. Л. 511.

Церкви Русской). За это деяние, как уже документально установлено, польским правительством Фанару было уплачено 12 тыс. фунтов стерлингов⁷⁸. На меньшее польский посол с Константинопольской Патриархией сторговаться не смог, но министр иностранных дел Польши «оправдался» перед своим премьер-министром тем, что «в подобных случаях Фанар обычно берет больше»⁷⁹.

Патриарх Григорий скончался 17 ноября 1924 г. Константинопольский Престол он занимал менее года, но память о себе оставил неизгладимую. Если его предшественник развил бурную деятельность мирового масштаба (чего стоил один «Всеправославный Конгресс» из девяти человек), то Григорий VII действовал, по крайней мере на российском направлении, более примитивно, по принципу: верните нам наши былые доходы и мы явим свое «расположение» к вам (в данном случае большевикам) всеми доступными способами, хотя бы и через поддержку безблагодатных обновленцев и третирование святого Патриарха Тихона.

Сообщение о кончине Патриарха Григория было помещено в черной рамке на первой странице очередного номера «Церковного Обновления» с призывом «по всем церквам возносить моления об упокоении его души, по-родственному любившей нашу русскую церковь». Из той же траурной заметки читатель мог узнать, что блюсти Патриарший Престол в Константинополе был назначен митрополит Кизический Каллиник, «состоящий ныне в составе миссии, назначенной для поездки в Россию»⁸⁰.

Поскольку посланцы Вселенской Патриархии никак не могли доехать до СССР, обновленцы решили особо отметить двух бывших в наличии греческих архимандритов: «6 ноября [1924 г.] на заседании свящ. синода присутствовали представители восточных патриархов: вселенского — архимандрит Василий, и Александрийского — архимандрит Павел. По предложению председателя св. синода митропол[ита] Евдокима оба единогласно избраны **почетными членами синода**»⁸¹.

Греческие представители выражали свое единство с раскольниками все более демонстративно. Так, украинский обновленческий «архиепископ» Лоллий (Юрьевский) сообщал о Василии (Димопуло) и Павле (Катаподисе), что они «имеют не только официально-дипломатические сношения с Священным Синодом, но и входят с синодальными иерархами в евхаристическое общение, участвуя с ними в совершении богослужений». Он описывал имевший место 8 ноября 1924 г. случай сослужения архимандрита Василия обновленческому «епископу Александровскому» Алексию (Рождественскому) в поселке Струнино Владимирской епархии, особо умиляясь тем, что Димопуло «после литур-

⁷⁸ Ермилов П., диак. Константинопольская Православная Церковь // Православная энциклопедия. Т. 37. С. 266.

⁷⁹ Чибисова А. А. К вопросу о получении автокефалии Польской Православной Церкви // Церковь. Богословие. История: Материалы III Международной научно-богословской конференции (Екатеринбург, 6–7 февраля 2015 г.). Екатеринбург, 2015. С. 637.

⁸⁰ Блаженнейший Патриарх Григорий VII // Церковное Обновление. 1924. 1 дек. № 19–20. С. 77.

⁸¹ Хроника // Церковное Обновление. 1924. 12 нояб. № 17–18. С. 75. Выделено полужирным в публикации.

гии благословлял верующих, как олицетворявший собою самого вселенского патриарха»⁸².

Смерть Григория VII привела к возрастанию международной активности Фанара. 25 ноября 1924 г. Константинопольской Патриархией Василию (Димопуло) был направлен синодальный акт за подписью митрополита Никейского Василия, в котором сообщалось о созыве в Иерусалиме в 1925 г. «Вселенского Собора» с поручением «довести об этом до сведения тамошних надлежащих церковных кругов»⁸³. За подписью Василия Никейского в Москву обновленцам, на имя их нового председателя — «митрополита» Вениамина (Муратовского), был отправлен и благодарственный ответ за их соболезнования: «Высокопреосвященнейший Митрополит Петрограда Вениамин, возлюбленный во Христе Боге брат! О Господе братски лобзаем Ваше Высокопреосвященство! По Синодальному постановлению Вашему Высокопреосвященству выражаем вместе с прочими во Христе братьями горячую благодарность за братское Ваше соболезнование по поводу смерти приснопамятного Патриарха Григория VII»⁸⁴. Видимо, это был первый официальный акт руководства Фанара, хотя еще и не Патриарха, а председательствующего синодального митрополита, в котором глава российских раскольников именовался «возлюбленным во Христе Боге братом».

17 декабря 1924 г. на Константинопольскую кафедру был избран митрополит Деркский Константин, который в тот же день послал в Москву своему представителю соответствующую телеграмму⁸⁵. 20 декабря извещение о новом Вселенском Патриархе было отправлено архимандритом Василием на имя «митрополита Ленинградского» Вениамина. «Священный Синод, получив настоящее радостное для церкви известие, за богослужением 21 декабря объявил об этом верующим в храме Христа Спасителя и других церквях гор. Москвы, после чего совершено было благодарственное молебствие»⁸⁶. Радость обновленцев была понятна. «Этот иерарх вполне поддерживает обновленческое церковное движение, — заявил о нем Димопуло. — Константин VI всецело продолжает проводить линию своего предшественника Григория VII»⁸⁷. Обновленцы тепло поздравили новоизбранного Патриарха телеграммой: «Священный Синод Российской православной церкви приветствует ваше всесвятительство со вступлением на вселенский патриарший престол, горячо молит господа о ниспослании вам душевных и телесных сил для многотрудного первосвятительского служения, надеется, что ваше всесвятительство сохраните братскую любовь и единение с младшей Российской

⁸² К уклоняющимся от вселенского единства // Голос Православной Украины. 1925. 1 марта. № 5. С. 1–2.

⁸³ Извещение о вселенском соборе // Церковное Обновление. 1925. 28 янв. № 2. С. 10.

⁸⁴ Пленум Всероссийского Священного Синода 27–31 января 1925 года // Голос Православной Украины. 1925. 15 февр. № 4. С. 1.

⁸⁵ Извещение Священному Синоду РПЦ об избрании вселенского патриарха // Церковное Обновление. 1925. 28 янв. № 2. С. 10.

⁸⁶ Новый патриарх Вселенской Константинопольской церкви, блаженнейший Константин VI // Церковное Обновление. 1925. 28 янв. № 2. С. 10.

⁸⁷ К выселению греческого патриарха из Константинополя // Церковное Обновление. 1925. 10 февр. № 3. С. 22.

православной церковью и поможет Священному Синоду установить в русской церкви мир и каноническую правду»⁸⁸.

В ответ на поздравления обновленцы получили грамоту: «Ваше высокопреосвященство, митрополит кир Евдоким, возлюбленный во святом духе брат и сослужитель нашей мерности, благодать и мир божий да пребудут с Вами». Патриарху Константину, по-видимому, не доложили, что с 24 ноября 1924 г. председателем обновленческого лжесинода уже официально стал «кир» Вениамин, а «кир» Евдоким был «по болезни» окончательно отодвинут от дел. Далее шли дежурные благодарения за поздравление и конец: «Вознеся со всяким тщанием молитву о мире и единении святой вашей церкви, просим от бога всего самого наилучшего. Благодать и милость его да пребудет с вашим высокопреосвященством. Вселенский патриарх Константин, возлюбленный о Христе брат»⁸⁹. Стоит обратить внимание, что «возлюбленным братом и сослужителем» главу обновленцев именовал теперь уже сам Константинопольский Патриарх.

27 января 1925 г. Димопуло принял участие в работе «Всероссийского съезда расширенного пленума Священного Синода Российской православной церкви и активных работников по проведению церковного обновления». «Архимандрит Василий, — сообщало “Церковное Обновление”, — передал съезду свое приветствие. Председатель предлагает пленуму благодарить вселенского патриарха за внимание [к] Русской церкви»⁹⁰. Более подробное сообщение о московском синодальном пленуме дал харьковский обновленческий журнал: «Как раньше в важных деяниях Свящ. Синода, так и теперь в Совещании Пленума принимали участие представители: Вселенского (Константинопольского), Антиохийского, Иерусалимского патриархов и автокефального Архиепископа Синайского — архимандрит Василий Димопуло и Александрийского патриарха с полномочиями от Элладского Свящ. Синода — архимандрит Павел Катаподис. Этот акт торжественно засвидетельствован был пред Пленумом оглашением грамот к Свящ. Синоду от Вселенского патриарха»⁹¹. Грамоты одного Патриарха обновленцы преподносили в качестве признания их вообще всеми Патриархами Востока, даже Антиохийским, отношение которого к российским раскольникам было резко негативным.

28 января архимандрит Василий препроводил «митрополиту Ленинградскому» Вениамину собственное заявление, в котором писал: «После долголетнего перерыва сношений с Матерью — Вселенской Церковью эти послания являются зарею **установления самых прочных отношений между Православной Русской и Вселенской Церковью**». Не совсем понятно, что греческий представитель имел в виду под «долголетним перерывом сношений с Матерью», но далее он выражал «уверенность в том, что Священный Синод, ценя эти первые шаги возобновляющейся братской взаимности, и впредь будет во всем послушен голосу своей

⁸⁸ Новый патриарх Вселенской Константинопольск[ой] церкви, блажен[нейший] Константин VI // Церковное Обновление. 1925. 28 янв. № 2. С. 10.

⁸⁹ Грамота Вселенского патриарха // Церковное Обновление. 1925. 10 февр. № 4. С. 25.

⁹⁰ Съезд расширенного пленума Священного Синода Российской Православной Церкви и активных работников по проведению церковного обновления // Церковное Обновление. 1925. 2 апр. № 5–7. С. 33.

⁹¹ Пленум Всероссийского Священного Синода 27–31 января 1925 года // Голос Православной Украины. 1925. 15 февр. № 4. С. 1.

Матери — Вселенской Церкви, которая всегда явится охранительницей чистоты веры православной». В действительности красивые слова о чистоте веры прикрывали совсем другие интересы Фанара. Во-первых, это максимальная подчиненность («послушность») ему Русской Церкви, за которую выдавалась обновленческая схизма. Во-вторых, обеспечение благополучия Константинопольской Патриархии посредством российского заступничества. «Питаю надежду и уверенность в том, — продолжал Димопуло, — что послушная голосу Вселенской Церкви, Церковь Русская с своей стороны зорко будет стоять на страже и поддерживать авторитет и высоту Церкви Вселенской от всякого инородного посягательства. Голос Союза СССР силен и могущественен и всегда может защитить Церковь Вселенскую от всяких непредвиденных и неблагоприятных к ней отношений»⁹². Можно даже удивиться, с какой откровенностью архимандрит Василий излагал мотивы Фанара в поддержке обновленцев. Те же, словно не видя политической подоплеки константинопольских приветствий, всячески превозносили якобы достигнутое ими полное единство с Востоком.

«Митрополит Московский» Серафим (Руженцев) докладывал на съезде: «Мы имели великую радость получить приветствие от вновь избранного вселенского патриарха Константина VI с вещественными знаками его внимания (три красных яйца за печатью константинопольского патриарха). Его письмо было опубликовано. Представитель Константинопольского патриарха архимандрит Василий вместе с представителем александрийской патриархии архимандритом Павлом изъявили согласие и благословение своих патриархов быть членами нашего Священного Синода. Архимандрит Василий, находясь в единении, совершает богослужение и в Москве и за Москвой. Все наше внимание направлено к тому, чтобы сохранить это, дорогое для нас, единство. Мы приглашены теперь на вселенский собор. Наши запросы уже обратили внимание всего православного Востока». «Митрополит» Серафим сообщил также о предложении провести Вселенский Собор в Москве и о несогласии с этим греков, которое, впрочем, обновленцев сильно не огорчило. «Предлагаю собранию, — закончил свое выступление Серафим (Руженцев), — обратиться с приветом к вселенскому патриарху и ответить на его приветствие каким-нибудь вещественным порядком: панагией или саккосом»⁹³.

В резолюции пленума, принятой по докладу лжемитрополита Серафима, было записано: «Обратиться с приветствием к Восточным Патриархам и поручить Св. Синоду сделать подарок Вселенскому Патриарху Константину VI»⁹⁴. 27 января 1925 г. обновленческий «Синод» направил Патриарху Константину грамоту, в которой писал: «Русская Церковь переживает тягостное время раздора и внутренней междоусобицы, вызванной неподчинением суду Собора 1923 года бывшего патриарха Тихона, который не подчинился и указанию Всесвятейшего Вселенского Патриарха. С трудом, в истинном подвиге, приходится верным чадам Церкви Православной собирать расточенное церковным ослушником и

⁹² Пленум Всероссийского Священного Синода 27–31 января 1925 года // Голос Православной Украины. 1925. 15 февр. № 4. С. 1. Выделено полужирным шрифтом в публикации.

⁹³ О будущем вселенском соборе // Церковное Обновление. 1925. 2 апр. № 5–7. С. 55–56.

⁹⁴ Резолюции пленума Св. Синода // Вестник Священного Синода Православной Российской Церкви. 1925. № 1. С. 5.

раздорником. В этом подвиге нашем на благо и за единство Святой Православной Российской Церкви для нас всех величайшим утешением является сознание связи с Матерью — Восточной Церковью, от которой Россия и веру свою восприяла. <...> Мы выражаем полную свою готовность следовать указаниям Святейших Восточных Православных Патриархов... Мы уверены, что молитвенное предстательство за нас Святейших Православных Патриархов, а равно их мудрость отеческая прольют священную тишину и мир в раздираемую бывшим патриархом Тихоном святую Русскую Православную Церковь»⁹⁵.

Общение обновленцев с Патриархом Константином, начатое при посредничестве архимандрита Василия в столь обнадеживающем ключе, к их великому огорчению, было прервано, едва начавшись. Константин VI проуправлял Вселенской Патриархией еще меньше, чем Григорий VII, и 30 января 1925 г. был выслан из Стамбула турками — обновленческий пленум еще даже не успел закончить работу. По этому поводу Димопуло сразу же обратился к председателю обновленцев: «Я полагаю, что Русская Православная Церковь не откажется ходатайствовать пред Советскою властью о поддержании Вселенского Патриарха, об оставлении его на своем троне. В Ваших руках, Ваше Высокопреосвященство, сделать имя Советской России и Священного Синода еще наиболее популярным на Востоке. Я горячо прошу Вас оказать Константинопольской Матери Церкви эту великую услугу, которая тем самым будет и актом силы и могущества Русского Правительства, тем более что и Вселенский Патриарх, признаваемый на Востоке главою всего православного народа, ясно показал своими действиями свое расположение к Советской Власти»⁹⁶. Можно заметить, что, обращаясь с таким призывом к обновленцам, Димопуло просто на скорую руку переименовал свое письмо от 21 июля 1924 г. в ЦИК СССР (процитировано выше), заменив в нужном месте обращение «тов. Смилович» на «Ваше Высокопреосвященство».

Обновленцы, конечно, не остались безответными и постановили: «Выразить Представителю Вселенского патриарха в России Архимандриту Василию соболезнование по поводу высылки из Константинополя патриарха Константина VI. Принять по этому поводу все зависящие от Священного Синода меры: составить обращение к Правительству СССР, в коем просить его сделать представление Турецкому правительству об оставлении резиденции Вселенского Патриарха в Константинополе»⁹⁷. Самому же Константину VI была послана телеграмма: «Священный Синод Российской Православной Церкви, выражая Вашему Всесвятейшеству свое искреннее соболезнование, почтительнейше просит Вас прибыть в Москву, дабы воспользоваться гостеприимством Русской православной церкви и православного народа, пока вопрос о Вашей резиденции не будет улажен надлежащим путем. О разрешении прибыть Вам в Москву Священным Синодом возбуждено ходатайство пред Высоким Правительством Союза Совет-

⁹⁵ Телеграмма Вселенскому Патриарху // Там же. С. 5–6; Грамота Священного Синода вселенскому патриарху // Церковное Обновление. 1925. 10 февр. № 4. С. 25.

⁹⁶ На Православном Востоке // Вестник Священного Синода Православной Российской Церкви. 1925. № 1. С. 30.

⁹⁷ Там же.

ских Социалистических Республик»⁹⁸. Как видно, под предлогом заступничества за тесного Вселенского Патриарха обновленцы тут же постарались вовлечь его в московские дела. В доказательство своей международной активности они сообщили в «Церковном Обновлении»: «3 II 1925 Русский Священный Синод представил через Комиссариат Иностранных дел СССР свой мотивированный протест турецкому правительству по поводу насильственного изгнания патриарха Константина VI из Константинополя»⁹⁹.

Вопрос о том, чтобы принять высланного Патриарха в Москве действительно был поставлен и рассмотрен Антирелигиозной комиссией при ЦК РКП(б), которая 14 февраля 1925 г. постановила:

«а) Поручить т. Менжинскому договориться с т. Чичериным.

б) Не возражать против въезда в СССР патриарха как частного лица, если не будет к тому препятствий со стороны НКВД»¹⁰⁰.

Какие-то препятствия в итоге возникли, и Патриарх Константин, как и его предшественник по изгнанию Мелетий, в СССР так и не приехал. Но шумная кампания, поднятая обновленцами в его защиту, имела определенный пропагандистский эффект. Единодушие с Фанаром было продемонстрировано полное.

В другой ситуации Патриарх Тихон, надо полагать, тоже бы выступил в поддержку гонимого турками константинопольского собрата, но в реалиях 1925 г. даже теоретической возможности для этого у него не оставалось. Не через Димопуло же это было делать: для того Русской Церковью было безблагодатное псевдоцерковное обновленческое сообщество, и сам он, вступив не просто в протокольное, но и евхаристическое общение с таковым, по сути дела, стал обновленцем. Обращаться по примеру раскольников к советскому правительству, чтобы то походатайствовало за Вселенского Патриарха перед турками, Патриарх Тихон тоже не мог: не в тех отношениях он был с большевиками. Не подходили в качестве посредников в межцерковном общении и русские зарубежные иерархии: с одной стороны, переписка с ними вменялась Всероссийскому Патриарху советскими органами в тяжкое политическое преступление, с другой — их отвергала Константинопольская Патриархия.

Для руководства Фанара с 1924 г. «возлюбленными братьями и сослужителями» были лжемитрополиты Евдоким (Мещерский) и Вениамин (Муратовский), а Патриарх Тихон для него как бы и перестал существовать. Такое неадекватное поведение Вселенского Престола объяснялось целым комплексом причин, среди которых было и стремление превратить свое первенство чести в православном мире в первенство власти, и борьба за самосохранение, и простой меркантильный расчет. Святитель Тихон, в свою очередь, как мог пытался минимизировать вред, наносимый фанариотами церковному единству, но это не останавливало Константинопольскую Патриархию от продолжения деструктивной политики.

⁹⁸ На Православном Востоке // Вестник Священного Синода Православной Российской Церкви. 1925. № 1. С. 30.

⁹⁹ Высылка греческого патриарха из Константинополя // Церковное Обновление. 1925. 10 февр. № 3. С. 22.

¹⁰⁰ Протоколы Комиссии по проведению отделения церкви от государства при ЦК РКП(б)–ВКП(б). С. 160.

В дальнейшем, после кончины Патриарха Тихона, ситуация только ухудшалась. Новый Константинопольский Патриарх Василий III вошел в еще более тесные связи с обновленцами. В сентябре 1925 г. по случаю их очередного лжесобора он направил «Высокопреосвященнейшему Митрополиту Кир Вениамину, Председателю Священного Синода Православной Российской Церкви, возлюбленнейшему во Христе брату и сослужителю» послание, в котором писал: «Заочно соприсутствуем с Вами»¹⁰¹. В силу такого единства с раскольниками Василий III был объявлен «Почетным Председателем Президиума Собора»¹⁰². Преемник Патриарха Василия Фотий II от демонстративной поддержки обновленцев также не отказался. В результате в 1936 г. управлявший тогда Московской Патриархией митрополит Сергей (Страгородский) в письме митрополиту Литовскому Елевферию (Богоявленскому) мог только констатировать о Вселенском Престоле, что «после всех неправд, учиненных и учиняемых им в отношении Русской Церкви, после открытого братанья с обновленцами и другими нашими раскольниками, говорить о разрыве или сохранении общения с Константинополем по меньшей мере поздно»¹⁰³. Лишь после того как в годы войны обновленческий раскол в России сошел на нет, взаимоотношения двух Патриархатов внешне нормализовались.

Ключевые слова: Русская Православная Церковь, Константинопольский Патриархат, обновленческий раскол, межцерковные отношения, международная политика.

PATRIARCH TIKHON AND THE PATRIARCHATE OF CONSTANTINOPLE: TO THE QUESTION ABOUT THE CAUSES OF THE ACTUAL BREAKUP OF RELATIONS

A. MAZYRIN

The article discusses the development of relations between the Russian and Constantinople Churches during the rule of the Saint Patriarch Tikhon (1917–1925). Originated in the Greek environment after the defeat of Turkey in World war I the plans for the transformation of Constantinople into the «real pan-Orthodox centre» and surrender to him the rest of the local Churches led to the development of an unprecedented expansion of the Ecumenical Patriarchate in the world, mostly due to the capture of dioceses and parishes of the Russian Church. In order to turn the primacy

¹⁰¹ Письмо Вселенского (Константинопольского) Патриарха Василия III // Вестник Священного Синода Православной Российской Церкви. 1926. № 6 (2). С. 7.

¹⁰² Открытие собора. День первый // Церковное Обновление. 1925. 25 нояб. № 14. С. 111.

¹⁰³ Из письма Блаженнейшего митрополита Московского Сергея Митрополиту Литовскому и Виленскому Елевферию // Голос Литовской Православной Епархии. 1936. № 7–8–9. С. 7.

of honour in the Orthodox world in championship power Constantinople was interested in the weakening of the Moscow Patriarchate. Simultaneously, from 1922 began to show the desire of the Phanar (Constantinople Patriarchate) to enlist the support of the Soviet government in relations with the government of Turkey, as well as addressing the aggravated financial problems of the Ecumenical Patriarchate. Taken together, these reasons led to open transition of the Constantinople Patriarchate on the side of the Renovatist schism in Russia in 1924, which made the preservation of canonical communion with him for the Russian Orthodox Church is virtually impossible.

Keywords: Russian Orthodox Church, Patriarchate of Constantinople, the Renovatist schism, relations between churches, international politics.

Список литературы

1. Акты Святейшего Тихона, Патриарха Московского и всея России, позднейшие документы и переписка о каноническом преемстве высшей церковной власти, 1917–1943 / Сост. М. Е. Губонин. М., 1994.
2. *Бувевский А.* Патриарх Константинопольский Мелетий IV и Русская Православная Церковь // Журнал Московской Патриархии. 1953. № 3.
3. *Бувевский А.* Патриарх Константинопольский Григорий VII и Русская Православная Церковь // Журнал Московской Патриархии. 1953. № 4.
4. Деяния Священного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918 гг. М., 1996. Т. 4.
5. *Ермилов П.* Константинопольская Православная Церковь [1908–1948 гг.] // Православная энциклопедия. М., 2015. Т. 37.
6. *Иванов С. Н.* Хронология обновленческого «переворота» в Русской Церкви по новым архивным документам // Вестник ПСТГУ. Серия II: История. История Русской Православной Церкви. 2014. Вып. 3 (58).
7. История в письмах: Из архива священномученика архиепископа Рижского Иоанна (Поммера): В 2 т. / Подгот. изд., предисл и коммент. Ю. Л. Сидякова. Тверь, 2015.
8. История Русской Православной Церкви: От восстановления Патриаршества до наших дней, 1917–1970. СПб., 1997. Т. 1.
9. *Кострюков А. А.* К истории взаимоотношений между Русской Зарубежной Церковью и Константинопольской Патриархией в 1920–1924 гг. // Вестник ПСТГУ. Серия II: История. История Русской Православной Церкви. 2011. Вып. 6 (43).
10. Протоколы Комиссии по проведению отделения церкви от государства при ЦК РКП(б)–ВКП(б) (Антирелигиозной комиссии). 1922–1929 гг. / Сост. В. В. Лобанов. М., 2014.
11. *Сафонов Д.* Святитель Тихон, Патриарх Московский и всея России, и его время. М., 2013.
12. «Совершенно секретно»: Лубянка — Сталину о положении в стране (1922–1934 гг.). Т. 2: 1924 г. М., 2001.
13. *Чибисова А. А.* К вопросу о получении автокефалии Польской Православной Церковью // Церковь. Богословие. История: Материалы III Международной научно-богословской конференции (Екатеринбург, 6–7 февраля 2015 г.). Екатеринбург: Екатеринбургская духовная семинария, 2015.
14. *Шкаровский М. В.* Константинопольский Патриархат и Русская Православная Церковь в первой половине XX века. М., 2014.